

АРХИВЪ
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОсяЩИХся

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Александра Семенова,
на Софійской улицѣ.
1850.

164570.

ОТЪЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ,

УКАЗАНИЯ И НОВОСТИ

ДЛЯ

ОБЪЯСНЕНІЯ

БЫТА И ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМѢТАХЪ.

Давно уже слышится у насъ со всѣхъ сторонъ безпрестанныя жалобы на невѣжественное легкомысліе, съ которымъ мы обыкновенно смотримъ на свои историческіе памятники, и обращаемся съ ними. Упреки эти, къ несчастію, вполне справедливы. Если можно указать на нѣсколько счастливыхъ, даже блистательныхъ исключеній, то всё же онѣ, покуда,—капля въ морѣ—такъ много памятниковъ, и такъ мало еще сдѣлано для сохраненія ихъ отъ утраты, болѣею частію невознаградимой.

Историческіе памятники, живущіе въ устахъ и обычаяхъ народа, и слѣдовательно болѣе другихъ подверженные измѣненіямъ и уничтоженію, обратили на себя въ послѣднее время особенное вниманіе нѣкоторыхъ ревнителей Русской старины. Пѣсни, пословицы, народные праздники и обряды нашли усердныхъ и добросовѣстныхъ собирателей, даже имѣютъ свою литературу; для языка и мѣстныхъ нарѣчій также собраны богатые матеріалы. Словомъ для всѣхъ этихъ частей Русской этнографіи и археологіи кое-что уже сдѣлано и обнародовано, еще болѣе хранится въ рукописяхъ. Но по какому-то странному случаю нѣкоторые устные памятники остались какъ будто забытыми, и до сихъ поръ не обращали на себя, сколько мы знаемъ, почти никакого вниманія.

Къ числу ихъ относятся *примѣты*. Г. Сахаровъ, оказавшій столь существенныя услуги Русской археологіи, помѣстилъ въ своемъ драгоценномъ собраніи «Сказаніи Русскаго народа» много примѣтъ, относящихся къ извѣстнымъ днямъ, временамъ года, народнымъ праздникамъ и обрядамъ; кромѣ того въ программѣ, предпосланной изданію, онъ обѣщалъ посвятить имъ и повѣрять цѣлую книгу (Томъ IV книги XXV). Къ сожалѣнію эта часть «Сказаній» еще не вышла. До сихъ поръ появилось только два тома собранія г. Сахарова, и судя по числу лѣтъ, протекшихъ между выходомъ въ свѣтъ первой и второй части, не лзя ожидать скорого появленія четвертой. Что же касается до примѣтъ, относящихся къ обрядамъ, праздникамъ, или днямъ и временамъ года, то онѣ такъ тѣсно съ ними связаны, такъ ими объясняются и взаимно ихъ объясняютъ, что нельзя ихъ отдѣлить, какъ придаточной вещи отъ

главной, не затемнивъ ихъ смысла. Оттого онѣ и не подлежатъ отдѣльному разсмотрѣнію.

Мы не осмѣливаемся сообщить здѣсь извѣстныя намъ примѣты и придать имъ хвастливое названіе *собранія* примѣтъ. Какъ бы много мы ихъ ни знали—всѣ это ничто въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которыя живутъ и до сихъ поръ въ ходу между Славянскимъ населеніемъ Россіи. Еще менѣе можемъ мы—не имѣя подъ руками богатыхъ матеріаловъ по этому предмету—дать сколько нибудь полный, удовлетворительный отчетъ объ этомъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важномъ источникѣ Русской археологіи. Ограничимся тѣмъ, что въ нашихъ силахъ. Выскажемъ нѣсколько общихъ сдѣланныхъ нами замѣчаній о происхожденіи, значеніи примѣтъ и о томъ, какъ должно за нихъ браться. Последнее труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Историческіе памятники, не говорящіе словами, каковы обряды, религіозныя вѣрованія, предразсудки, и т. д.—упорно хранятъ тайну своего значенія и смысла. Чтобъ заставить ихъ говорить нужны извѣстные приемы, извѣстная манера, способъ спрашивать.

Что такое *примѣта*? Это *примѣченное* человѣкомъ *постоянное*, но непонятное для него отношеніе между какими нибудь явленіями, или событіями въ ежедневномъ быту, нравственномъ или физическомъ мірѣ—всѣ равно. Не зная законовъ того и другаго міра, не понимая связи между причиною и дѣйствіемъ, поводомъ и его слѣдствіемъ, человѣкъ наблюдаетъ, изъ своихъ наблюденій вывести заключеніе, что между извѣстными предметами и явленіями существуетъ какая-то связь, но не умѣя вывести началъ, законовъ, на которыхъ она основана, онъ по необходимости повѣряетъ памяти плоды своихъ наблюденій. Такъ образуется множество примѣтъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ, смотря по наблюденіямъ.

Но кромѣ этого, есть и другой способъ происхожденія примѣтъ. Всѣ вещи, предметы и явленія, имѣющія въ глазахъ человѣка религіозное языческое значеніе должны имѣть на него и на природу таинственное, сверхъестественное вліяніе и дѣйствіе. Отсюда рождается цѣлый рядъ примѣтъ. Примѣты такого рода основаны не на непосредственномъ опытѣ и наблюденіи, а суть слѣдствіе представленій, вѣрованій. Онѣ весьма справедливо названы *предразсудками*, потому что выводятся а priori, синтетически, а не аналитически.

Между тѣми и другими примѣтами, не смотря на очевидное ихъ различіе по происхожденію, существуетъ самая тѣсная связь. Вспомнимъ, что вѣка прошли съ тѣхъ поръ какъ онѣ появились; что въ продолженіи этихъ вѣковъ многія понятія, а съ ними и

примѣты измѣнились въ своей формѣ; что Церковь, преслѣдуя язычество, истребила множество примѣтъ, въ другихъ существенно переименовала первоначальный характеръ и смыслъ. Кромѣ того, истина и ложь, факты, дѣйствительно подмѣченные и вымышленные, такъ перемѣшаны между собою въ первоначальныхъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, что нѣтъ никакой возможности провести между ними рѣзкую, разграничительную черту. Примѣровъ и доказательствъ тому множество. Стоить только вспомнить приемы нашей народной медицины. Перѣдко при народномъ леченіи употребляются травы, дѣйствительно цѣлебныя; но употребленіе ихъ обставлено обрядами и дѣйствіями, которые очевидно выросли изъ языческихъ вѣрованій. Откуда взялись они? Разсматривая ближе, мы непременно найдемъ, что цѣлебное свойство предметовъ, даже самые предметы—озлицетворены, получили религіозное значеніе и влѣдствіе того имъ приписаны сверхъестественныя свойства. Основаніемъ слѣд. и здѣсь служить дѣйствительный фактъ наблюденіе, но преобразованные, искаженные ходомъ развитія понятій первобытнаго человѣка, отчего примѣнялось къ факту многое такое, чего въ немъ нѣтъ. Тоже повторяется въ нашихъ языческихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и народныхъ праздникахъ. Тоже находимъ и въ примѣтахъ. Влѣдствіе многочисленныхъ искаженій, которымъ онѣ подверглись, влѣдствіе того, что онѣ возникли не въ одно время и слѣд. подъ вліяніемъ различнаго историческаго возраста человѣка, весьма трудно, иногда невозможно опредѣлить, откуда возникла примѣта: изъ дѣйствительнаго наблюденія и опыта, или изъ священнаго значенія въ язычествѣ того предмета, или явленія, къ которому она относится. Часто примѣта, по видимому, ничто иное, какъ результатъ наблюденій надъ явленіями природы, привычками животныхъ, и т. д., а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что её породили не наблюденіе, а вѣрованія. Чтобы различить однѣ примѣты отъ другихъ необходимо глубокое и весьма подробное знаніе всѣхъ сторонъ нашего древняго язычества и не менѣе глубокое знаніе естественныхъ наукъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Только съ помощью этихъ предварительныхъ знаній, да и то при тонкой, осторожной критикѣ, можно надѣяться внести свѣтъ въ эту область Русской археологій, обильной матеріалами и фактами для научнаго возстановленія нашего древнѣйшаго быта и вѣрованій.

Какъ ни бѣдны, ни недостаточны теперешніе наши способы различенія примѣтъ, всё же мы можемъ, хотя приблизительно, раздѣлить ихъ на двѣ большія группы. Однѣ указываютъ на дѣйствительную, или миную связь и постоянныя отношенія, суще-

ствующія или предполагаемыя между различными явленіями природы; другія указываютъ на такую же связь между явленіями природы и событіями большею частію случайными въ жизни человека и народа, или же на связь и отношенія между сими послѣдними событіями.

Первыхъ примѣтъ множество. Большая часть изъ нихъ суть плодъ опыта, наблюденій надъ естественными явленіями: «на молодомъ мѣсяцѣ рыба клюеть»; «лошади фыркаютъ передъ дождемъ», «толкунцы толкутся передъ вѣдромъ»; «рыба не клюетъ передъ дождемъ», «курица стоитъ на одной ногѣ—стужа будетъ»; «кошка спитъ, закрыла рыло — стужа будетъ», и т. д. Конечно и между ними есть многія, первоначальнаго происхожденія которыхъ должно искать въ древнѣйшихъ, языческихъ представленіяхъ. Не всѣ онѣ справедливы; стало быть не всѣ объясняются опытомъ, а должны быть объясняемы чѣмъ нибудь другимъ. Предметы, которые въ нихъ упоминаются также заставляютъ, не безъ основанія, подозревать, что если не многія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ имѣли первоначально другую форму, носили на себѣ болѣе замѣтные признаки языческаго происхожденія, но признаки эти впоследствии сгладились, отчего и примѣты потеряли смыслъ, или получили обманчивое значеніе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, наша археологія покуда слишкомъ необработана, чтобъ умѣть разбирать эти стертыя гіероглифы и возстановлять ихъ. Со временемъ естествовѣдніе, особливо изученіе нравовъ и привычекъ органическихъ существъ покажутъ намъ, что въ этихъ примѣтахъ взято изъ наблюденій и что имѣетъ другой источникъ. Покуда мы, по необходимости, оставимъ ихъ въ сторонѣ, и обратимъ вниманіе на тѣ примѣты, въ которыхъ высказывается связь и отношенія между явленіями природы и быта, или между событіями какъ частной, такъ и общественной жизни.

Языческое происхожденіе примѣтъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Конечно не всѣ образовались и сложились въ язычествѣ: многія, по времени, составились очевидно позднѣе; но смѣло можно сказать, что всѣ примѣты, сюда относящіяся, возникли прямо, или косвенно подъ вліяніемъ языческаго міросозерцанія, проникнуты однимъ духомъ, имѣютъ, если можно такъ выразиться, одну общую генеалогію.

Несчастная, хотя и заслуженная судьба постигла ихъ. Церковь, очень хорошо понимая ихъ языческое происхожденіе и значеніе, преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ народными играми, обычаями, праздниками и другими атрибутами язычества. Когда послѣднее было ослаблено и окончательно проиграло свое дѣло,

свѣтское образованіе не менѣе дѣятельно стало продолжать дѣло, начатое Церковью. Примѣты, вмѣстѣ съ другими слѣдами язычества, быстро исчезаютъ. Уже теперь, даже въ простомъ народѣ, многія изъ нихъ извѣстны только старымъ женщинамъ, и перестали существовать для большинства. Еще десятка два лѣтъ—и останется ихъ очень немного. Конечно, это весьма отрадное и утѣшительное явленіе. Но не лзя не пожалѣть, что справедливое пренебреженіе къ этимъ остаткамъ старины не сопровождается равносильнымъ попеченіемъ сохранить ихъ для науки, какъ драгоценныя историческіе памятники не только быта, но и психологическаго состоянія и развитія младенчествующаго челоѣка. Примѣты исчезаютъ быстро, чѣмъ записываются—это фактъ неоспоримый. Уже теперь многое утрачено навсегда; въ картинѣ древнѣйшаго быта останутся пробѣлы, которыхъ нельзя будетъ заполнить. Потеря невознаградимая, которая вполнѣ оцѣнится тогда лишь, когда мы поймемъ, какъ первобытная исторія важна для уразумѣнія послѣдующей и теперешней, и какъ мало мы её знаемъ.

Огромный отдѣлъ примѣтъ, начало которыхъ коренится въ языческихъ вѣрованіяхъ, представляетъ чрезвычайно разнообразное примѣненіе язычества въ дѣйствительной жизни, въ ежедневномъ и частномъ быту. Это казуистика всѣхъ возможныхъ сторонъ язычества, объясняющая его въ подробностяхъ, частностяхъ, и этимъ самымъ раскрывающая многое, что истребилось уже въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и другихъ доживающихся преданіяхъ незапамятной старины. Примѣты относятся къ тысячамъ предметовъ и явленіямъ для насъ весьма обыкновеннымъ, дѣйствіямъ, но теперешнимъ понятіямъ незначительнымъ, или безразличнымъ. Онѣ представляютъ жизнь подробнымъ кодексомъ условій, въ которыхъ она должна совершаться, во всемъ указываютъ непонятную связь, и вѣрно передаютъ намъ картину того младенческаго состоянія челоѣка, когда онъ безпрекословно подчинялся окружавшему его міру, смотрѣлъ на него подобострастно, приписывая каждому предмету, явленію, дѣйствію жизнь, произвольность, словомъ всё, что находилъ въ себѣ. Конечно эта жизнь, эта произвольность по его понятіямъ, въ свою очередь, зависѣли отъ какой-то высшей, невѣдомой силы и такое представленіе было весьма естественно въ челоѣкѣ подавленномъ, какъ бы поглощенномъ виѣннымъ, окружающимъ его міромъ: онъ не могъ имѣть понятія о совершенно добровольномъ движеніи и дѣйствованіи, потому что въ дѣйствительности и то и другое было ему совершенно неизвѣстно. Но представленіе объ этой высшей, всѣмъ управляющей силѣ было въ немъ весьма смутно, неопредѣленно. Онъ видѣлъ, ощущалъ ея присутствіе и

власть только въ явленіяхъ, исполненныхъ для него сверхъ естественнаго значенія.

Чтобъ получить хотя поверхностное понятіе о бытѣ, который долженствовалъ нѣкогда сложиться подъ вліяніемъ такого міросозерцанія, и въ свою очередь породилъ послѣднее, рассмотримъ нѣсколько извѣстныхъ намъ примѣтъ, относящихся къ внѣшней природѣ и быту человека. Ихъ объясненіе будетъ вмѣстѣ и попыткой возбудить къ этому предмету интересъ, участіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ.

Всѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣла *ночь* во всѣхъ міеологіяхъ древняго и новаго міра. Это царство тьмы, злыхъ и враждебныхъ духовъ, въ противоположность дню, царству свѣта, дѣятельности благотѣльныхъ силъ и жизни: стоитъ только вспомнить наши святки и ночь наканунѣ Ивана Купалы. Это же представленіе выразилось и въ примѣтахъ. «Солнышко закатилось—не бросаи соръ на улицу—пробросаешься». «Когда солнышко закатилось—не починай новой коврижки: разстронется богатство». «Не гляди въ окно до утренней зори—грѣшно». Въ этѣхъ примѣтахъ высказывается мысль, что дѣйствія, предпринятые при отсутствіи солнца, совершаются подъ дурными предзнаменованіями, принесутъ несчастіе, или будутъ неудачны.

Дню и ночи соотвѣтствовали зима и лѣто, стужа и тепло. «Если звенить въ правомъ ухѣ—тепло будетъ, если въ лѣвомъ—стужа будетъ». Оттого другая примѣта: «утопленникъ къ стужѣ». «Если филинъ сядетъ на крышу дома и станетъ кричать—приключится смерть одному изъ домашнихъ». «Гдѣ гнѣздятся ласточки—счастливое мѣсто». Смыслъ этѣхъ примѣтъ понятенъ. Правое сопоставляется хорошему, доброму, лѣвое дурному, злему; утопленникъ, погибшій, какъ говорится, не своею смертью, поставленъ въ соотвѣтствіе стужѣ; филинъ, ночная птица—зловѣщее предзнаменованіе; ласточка, провозвѣстница весны—доброе, счастливое предзнаменованіе.

Извѣстная примѣта: «увидишь народившійся *мѣсяцъ* съ правой стороны—неожиданное будетъ тебѣ счастье», по многимъ признакамъ принадлежитъ къ остаткамъ глубокой древности. Во первыхъ, луна была предметомъ обожанія; это видно не только изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, но и изъ нашихъ живыхъ преданій старины. Въ заговорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунѣ: «Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Миѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести», и

проч. (Сказаній т. I, кн. II. Чернокнижіе, N 15). Отсюда понятно, почему появленіе мѣсяца имѣло въ глазахъ нашихъ предковъ таинственное, сверхъестественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Во вторыхъ, не менѣ замѣчательно, что примѣта относится къ народившемуся молодому мѣсяцу: это тоже черта, указывающая на древнѣйшія вѣрованія. Въ заговорахъ нерѣдко упоминаются «рожки» луны, что показываетъ, что съ мольбами обращались къ молодому мѣсяцу; кромѣ того должно замѣтить, что первое, новое, впервые рожденное имѣло у насъ изстари особенное значеніе и силу. Такъ въ народѣ есть примѣта о *первооснесенномъ* яйцѣ: если съ нимъ обойти загорѣвшееся строеніе, то пожаръ не распространится далѣе, хотя бы не было принято никакихъ предосторожностей. Наконецъ, благоприятное знаменованіе *праваго* и неблагоприятное *лѣваго*—фактъ, повторяющійся безпрестанно въ нашихъ повѣрьяхъ. «Если правая ладонь чешется—деньги получать; если лѣвая—отдавать». «Если звенить въ правомъ ухѣ—тепло будетъ; если въ лѣвомъ—стужа». Но всѣмъ этимъ признакамъ должно думать, что примѣта о мѣсяцѣ по началу своему восходитъ къ древнѣйшимъ, языческимъ временамъ; только съ этой точки зрѣнія она и становится понятной. Быть можетъ она образовалась изъ гаданій и прорицаній, имѣвшихъ въ язычествѣ религіозное значеніе, которое они въ послѣдствіи утратили. Но не станемъ владаться въ гипотезы. Переидемъ къ другимъ примѣтамъ.

Какъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, такъ и *огонь* имѣлъ священное значеніе. Роль, которую играли зажженные костры въ празднествѣ наканунѣ Ивана Купалы, доказываетъ это несомнѣнно. Но кромѣ того огонь былъ предметомъ особеннаго почитанія, какъ принадлежность, символъ и выраженіе *очага*—средоточія и важнѣйшей части жилья. Въ любопытномъ обрядѣ перезыванія домового изъ одного жилья въ другое домового представляютъ горящіе уголья, вынутые изъ печки оставляемаго жилища (См. «Сказаній Русскаго народа» т. II, кн. VII, Народн. дневникъ стр. 54). Отсюда объ огнѣ множество примѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вздувая огонь вечеромъ творять молитву и крестятся. «Погасъ огонь нечаянно—нечаянный гость будетъ». Близка къ этой другая примѣта. «Если погасятъ нечаянно свѣчу—гости будутъ». Вслѣдствіе этого значенія очага и огня, горящаго въ очагѣ, и всѣ дѣйствія, случая, малѣйшія подробности, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ горѣнію огня въ очагѣ, получили такое же значеніе. «Не клади дрова въ печь востриками—ссора будетъ». «Головня упала (изъ печи) нечаянно на шестокъ—нечаянный гость будетъ». «Полѣно упало (когда несли дрова, на улицѣ или на дворѣ)—чужіе гости будутъ». «Уголь

вылетѣлъ изъ топящейся печки — гости будутъ». «Развалились въ печи дрова — гости будутъ». «Не бей челоуѣка лучиной—чахотка будетъ». «Когда печется хлѣбъ—не садись на печь: хлѣбъ неудаченъ будетъ» и «не мети въ избѣ: спорину выметешь». «Пспекутся имянинные хлѣбы или пироги хорошо—имянинникъ проживеть годъ благополучно; неудачно—умреть». Черные тараканы, любящіе тепло и потому живущіе въ особенности около печки (отсюда: тараканъ запечный) именно вслѣдствіе этого слывутъ въ народѣ вѣстниками счастья: «Въ домѣ много черныхъ таракановъ—къ богатству». Убивать ихъ не должно.—Вовсѣхъ этѣхъ примѣтахъ конечно многое остается непонятнымъ, по крайній мѣрѣ для насъ. Почему погашеніе огня и прибытіе гостей сближается такъ постоянно въ столькихъ примѣтахъ, мы не беремся объяснить, хотя, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такое сближеніе не даромъ встрѣчается. Какъ бы то ни было, но основная мысль и причина всѣхъ приведенныхъ нами примѣтъ ясна. Горѣніе огня въ печкѣ имѣло религіозное значеніе, исполненное таинственнаго смысла. Постороннія занятія въ это время, движенія, въ которыхъ выражалось отсутствіе благоговѣнія, строго воспрещались, и подвергались карѣ невидимыхъ силъ. Всѣ, что происходило отъ горѣнія и при горѣніи, было исполнено смысла и служило предзнаменованіемъ; то, что огонь привлекалъ къ себѣ, было ему пріятно, и слѣд. само, въ свою очередь, отражало на себѣ сверхъестественный его характеръ.

Мы говорили объ очагѣ и его важномъ значеніи въ язычествѣ. Такое же значеніе получило жилье и всё, что въ немъ находилось, или къ нему принадлежало. Множество примѣтъ доказываютъ это. «Не стучи ключами—ссора будетъ». «Не играй счетами—ссора будетъ». «Не шагай черезъ *коромысло*—судороги потянутъ». «Не наступай на *помело*, и не шагай черезъ него—судороги потянутъ». «Не клади *прялку* на *столъ*—сорокъ грѣховъ наживешь». Прялка—непрямый атрибутъ вѣдьмы, какъ ступа—бабы-яги. Положить прялку на столъ, мѣсто обѣда, также безчинно, какъ садиться на печь, когда она топится: это величайшее оскорбленіе домашней святыни, особенно по значенію, которое, какъ мы видѣли, имѣла прялка. Обѣдъ, равно какъ и вся поваренная и обѣденная посуда тоже имѣли въ глазахъ нашихъ предковъ религіозное значеніе. Причину отгадать не трудно. Общественные (мірскіе) и семейные столы находились въ неразрывной связи съ жертвоприношеніями; отъ послѣднихъ перешло оно и къ обыкновенному обѣду, обѣденной и поваренной посудѣ. «Перекрестившись послѣ стола, не садись опять ѣсть—крестники умрутъ». «Не выходи изъ за стола въ другую сторону (въ противоположную той, куда зашелъ)—заблудишься». «Не

стелн скатерть (на столъ) вдвое — двойниковъ принесешь». «Зубы (во время ѣды) заскрипѣли — на чужой хлѣбъ». Далѣе: «Не оставяй на ночь на столѣ *ножъ* — лукавый зарѣжетъ». Извѣстно гаданіе о суженомъ на святкахъ: дѣвушка накрываетъ на столъ, кладетъ на немъ приборъ и садится къ зеркалу, ожидая суженаго. Когда онъ придетъ, нужно произнести заклинаніе, чтобъ онъ не зарѣзалъ ножемъ. «*Ложкой* въ край чашки не стучи — ссора будетъ». «*Мутовой* въ край квашни, чашки, и т. п. не стучи — ссора будетъ».

Значеніе порога также всемъ извѣстно. «Черезъ порогъ не здоровайся — разсоритесь». «Не садись на порогъ — женихъ или невеста воротятся (т. е. бракъ не состоится)». Въ этихъ примѣтахъ сохраняется воспоминаніе о прежней отдѣльности, обособленности, замкнутости жилищъ. Находиться съ кѣмъ либо въ сношеніяхъ черезъ порогъ, значитъ обращаться съ нимъ какъ съ чужимъ, т. е. врагомъ.

Наравнѣ съ помеломъ имѣло особенное значеніе и метеніе. «Не *мети* вдругъ вездѣ (напр. въ избѣ, и въ тоже время въ горницѣ) — разойдется богатство». «Въ одной избѣ не *мети* многими вѣниками — разойдется по угламъ богатство». «*Мети* избу чище — попадетъ хорошій женихъ». Если все неодушевленные принадлежности жилья имѣли въ язычествѣ религіозный характеръ, то тѣмъ болѣе живыя существа, принадлежащія къ дому, живущія во дворѣ, полезныя для человѣка. Вотъ нѣсколько примѣровъ. «Когда *кошка* чихнула — скажи здравствуй: зубы не заболятъ». «*Кошка* загребаешь лапами — гости будутъ». *Кошка*, по-видимому, дѣйствовала подъ напѣтиемъ злыхъ духовъ, что легко объясняется изъ свойствъ этого животнаго, ея зоркости, бдительности ночью, въ темнотѣ, и т. д. Нельзя возить кошекъ на лошадахъ — послѣднія отъ того сохнутъ. Напомнимъ также, что изъ черной кошки вываривается, съ разными таинственными обрядами, костка невидимка. «Не пихай *собаку* — судороги потянутъ». «*Собака* потянулась на человѣка — корысть будетъ (такая же примѣта есть и о кошкѣ)». «*Собака* лаетъ передъ домомъ къ низу — покойникъ будетъ; къ верху — пожаръ будетъ»; или: «собака воесть поднявъ голову къ верху — будетъ неурожай хлѣба; опустивъ къ низу — будетъ болѣзнь, отъ которой умрутъ многіе». — «Не пихай *свинью* — своробъ выступитъ».

Но особенно важную роль играютъ въ нашихъ народныхъ суевѣріяхъ пѣтухъ и курица. Изъ разныхъ повѣрій и примѣтъ объ этой птицѣ можно составить цѣлую весьма интересную и для нашей археологій важную монографію. Въ свадебномъ обрядѣ курица играетъ замѣчательную роль. Её приносятъ къ священнику, или

помѣщику, прося позволенія женить сына; курицу въ разныхъ видахъ подаютъ молодымъ въ день свадьбы; употребленіе въ пищу именно этой птицы, въ торжественномъ обрядѣ, каковъ свадебный, указываетъ на совершившееся въ это время въ язычествѣ жертвоприношеніе курицы. Но кому? Кажется домовому. На эту догадку невольно наводитъ странный обычай, соблюдаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на свадебныхъ обрядахъ: когда молодые входятъ въ избу, въ домъ новобрачнаго, одна изъ старшихъ женщинъ (не помнимъ, его мать, сваха, или другая) тайно отъ всѣхъ бросаетъ подъ печку жареную курицу, чтобъ молодые были счастливы и богаты. Въ народномъ дневникѣ г. Сахарова читаемъ, что 28 генваря усмиряютъ домового кудесами. Кудесы заключаются въ томъ, что колдунъ, въ самую полночь зарѣзываетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голычъ, и выметаетъ имъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ причитаніемъ заговоровъ. Въ Вологодской губерніи простой народъ думаетъ, что ѣсть пѣтуховъ—грѣшно. Послѣ всего сказаннаго было бы странно, еслибъ эта птица была забыта въ примѣтахъ. Повѣрье, что кто кралъ куръ—у того руки трясутся, вовсе не было шуткой въ устахъ нашихъ предковъ—язычниковъ. При ихъ понятіяхъ это повѣрье имѣло полный смыслъ, проискавпій изъ значенія курицы. Весьма замѣчательна также примѣта: «Солома пристапетъ къ хвосту курицы—въ домѣ покойникъ будетъ». Солома имѣла какое то значеніе въ языческихъ празднествахъ въ честь умершихъ. «Въ великій четвертокъ,—сказано въ Стоглавѣ (вопр. 26).—по рану солому налятъ и кличють мертвыхъ». Замѣтимъ также, что на семицкой недѣлѣ, въ которую совершались поминки, совершались и проводы русалокъ, и русалку представляла въ этомъ обрядѣ соломенная чучела.

Довольно этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобъ убѣдиться, что примѣты, но видимому безсмысленныя и совершенно произвольно выдуманныя, коренятся, по своему происхожденію, въ языческомъ бытѣ и вѣрованіяхъ, и въ этой сферѣ находятъ полное объясненіе, и сами, въ свою очередь, поясняютъ и дополняютъ въ ней многое. Конечно примѣты нелѣпость, съ догматической точки зрѣнія. Но странно и смотрѣть на нихъ такимъ образомъ. Историческія эпохи, дѣятели мы не судимъ же съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій и требованій, а переносимся въ ихъ время, подводимъ ихъ подъ мѣрило, которое даетъ намъ ихъ эпоха. Также должно поступать и въ отношеніи къ преданіямъ, повѣрьямъ, памяткамъ, которые только тогда и дѣлаются понятными, когда станемъ разсматривать ихъ въ связи съ тѣми историческими данными, посреди которыхъ они образовались, имѣли значеніе и смыслъ. Основаніе всѣхъ

примѣтъ языческаго происхожденія — таинственное свойство предметовъ, явленій, дѣйствій или событій, или самихъ по себѣ, или по ближайшему отношенію, связи ихъ съ другими предметами или явленіями, которыя почитались нѣкогда священными. Это свойство заключалось въ ихъ зависимости отъ высшей силы. Оттого они не были случайны или произвольны, и имѣли для человѣка значеніе прорицаній или предзнаменованій, хорошихъ или дурныхъ, смотря по предмету, явленію или дѣйствию. Вотъ почему многія примѣты имѣютъ характеръ прорицаній, сентенцій, или служили текстомъ для гаданій, или для узнанія неизвѣстнаго. Въ заключеніе замѣтимъ, что таинственное отношеніе между различными явленіями и предметами нравственнаго и физическаго міра, на которое указываютъ примѣты, весьма часто ограничивается одной виѣшней или случайной аналогіей, вполнѣ высказывающей младенческія понятія человѣка. Стукъ ключей, мутовки и шумъ отъ ссоры; загребанье кошкы лапами, напоминающее движеніе, когда манишь кого нибудь къ себѣ, могутъ служить примѣрами этой дѣтской аналогіи. Приступая къ объясненію примѣтъ, прежде всего должно опредѣлить предметъ, къ которому онѣ относятся и значеніе, которое онѣ имѣли или могъ имѣть въ языческомъ быту. Это первое и главное, иногда довольно трудное: остальное понять легко. Философскія схемы, общія начала и воззрѣнія, глубокомысленныя аналогіи тутъ не у мѣста: предметъ такъ не хитѣръ и не сложенъ, что можно впасть въ смѣшныя, иногда вредныя для нашей археологіи ошибки приступая къ нему во всеоружіи высшей, философской критики.

К. Кавелинъ.

III.

ДѢДУШКА ДОМОВОЙ.

Дѣдушка домовой занимаетъ въ нашихъ преданіяхъ почетное мѣсто; вѣрованія о немъ до сихъ поръ сохраняются въ народѣ довольно яркія и подробныя, съ которыхъ еще не совсѣмъ стерся языческій отпечатокъ: причина заключается въ самомъ значеніи этого мифа.

Вѣра въ домоваго тѣсно связана съ языческимъ обожаніемъ *онія* (небеснаго—въ образѣ *Дажьбога* и *Перуна*, и земнаго — въ образѣ